

Филипп Пираев

До мудрости дослушаться земной...

Филипп Пираев

Родился в 1965 году в Тбилиси.

По специальности – тренер по шахматам.

С 1993 живёт в Казани.

Публиковался в

республиканских и

российских изданиях.

Член редколлегии

«Казанского альманаха».

Сотрудник

Национальной

Библиотеки Республики

Татарстан.

***

В провинции – восторг и благодать:
бездонно небо и прозрачны реки;
гудящих строек века не видать,
зато без них слышнее человека.

Хрустим редиской, пьём себе стишки,
настоянные на сосне и травах,
спасаясь от назойливой мошки
тщеславия и веяний лукавых.

Хотя и тут случается порой
кому-то грешным делом захвалиться,
но даже одарённых из нас
не соблазнить надгробием в столице.

Здесь как-то всё родимей и светлей –
и плач звезды, и хохот непогоды,
и журавли над кротостью полей
понятны до сих пор без перевода.

И, выходя к берёзам на мороз,
легко согреться и душой, и телом,
поняв, что жизнь, увы, не без полос...
но всё же это – чёрные на белом.

***

Бьёт закат прямой наводкой
по озёрным зеркалам,
тополям и дачным соткам,
прилепившимся к холмам.

Грезят птицы южным раем,
и вдыхает тишина
хмель костров, слезу стирая
с дальнорского окна.

Словно в поисках ответа,
бродят руки вдоль ладов.
Может, к лучшему, что лето
не вернуло нам любовь?

И ворчит метеосводка,
погружая до весны
парусиновые лодки
в многопарусные сны.

***

А дальше – вера и стихи,
и вздох туда, где до заката
родного неба балдахин
над тишиной синеет свято.
А дальше – вера и любовь –
к земле, бескрайней и могучей,
цедащей благовест лугов
под вековую грусть уключин.
А дальше – вера в доброту
и в то, что, пусть не без греха мы,
но вьюги лжи не заметут
путей к надгробиям и храму.
И будет наша длань щедра
и разум совести послушен,
пока нам жаждой серебра
не инфицировали души;
покуда мы ещё сильны,
наперекор звериной воле,
недобываемой страны
непродающею болью.

***

Ветер ушёл в ночное.
В паводке тишины,
словно привет от Ноя –
сольный ковчег луны.

***

Полчищем грозным разлившись по саду,
тьма затаилась за каждым кустом.
Скрипнули ставни – готовясь к осаде,
замер с гостями простившийся дом.

Смолкла на плёсе гармонь, и всё тише
говор соседей, пьянее сирень.
Вот уже алый прожектор по крышам
чиркнул лучом, провожающим день.

Грянули звёзды над степью былинной,
ласковый ветер пасётся в дубках.
И до утра лёгкий привкус малины
напоминает о милых губах.

И до зари про бездонные очи
свищет баллады свои соловей –
словно Вселенною уполномочен
вечность любви благовествовать в ней.

***

Семь с половиной сотен от столицы,
гипертония ртутного столба.
Стопкадром – полустанок смуглолицый:
плетней и шпал единство и борьба.
Лишь парочка сканвордов до Казани,
звенящий чай и тамбур натошак.
От ереси слепого созерцанья
до знания – из вагона смелый шаг.
До веры – прочитав лесов апокриф
и пред неопалимой тишиной
склониться в поле, шляпу сняв и обувь,
до мудрости дослушаться земной.
Примерить наготу чужой утраты
и, чувствуя, как в сердце от стыда
вскрываются причастности стигматы,
брести сквозь мироздание – туда,
где топит баню забродивший полдень
под позывные радио шмеля,
и знать, что всяк рождённый первороден,
и можно жить, наследство не деля.

***

По радио трещали о морозах,
шуршали вдоль домов кометы фар,
и был рассвет беспомощен и розов,
как в обществе прелестницы школяр.
Брело слепцом унынье по аллеям,
и всхлипам расставания под стать,
слетали с губ созвучья и, немея,
озябшей стаей рушились в тетрадь.

А ты спала, доверив чуткий профиль
затейливому бризу покрывал,
и тикала судьба, и верный кофе
задумчиво на стуле остывал.
А ты спала и, возгласом крылатым
встречая восходящую струю,
парила, тайной радостью объята,
у холода Вселенной на краю.

Шептали стены и будильник плакал:
«Очнись, как можно спать, когда вокруг,
грозя бедой, как вражеский оракул,
колотят в бубны полчища заструг!»
И так частила, на пространство множась,
нахрапистая белая картечь,
что сковывала разум невозможность
тебя, закрыв собою, уберечь.

Но ты – спала, лучисто и спокойно.
И слышалось в дыхании твоём,
что не всевластны немощи и войны
и не навек сугробы за окном.
И жвалы тьмы растрескивались где-то,
в труху забвенья тщась перетолочь
у вечных льдов, сжигающих планеты,
двумя сердцами вырванную ночь.